

Думается, что вопрос о существовании баллады в это время решается Д. М. Балашовым несколько упрощенно. Признав жанр баллады архаическим (по его мнению, в конце XVII—XVIII в. народная баллада уже не развивается творчески), автор считает ущербными все варианты, относящиеся к более позднему времени. Вернее было бы, однако, говорить о трансформации баллады, а не о полном ее отмирании.

В XIX в. жанр баллады нередко сливается с мещанским романсом, но несмотря на это, нельзя не признать, что живое начало жанра сохраняется и в советском фольклоре. Типичной балладой, например, является песня начала 30-х годов «Прокати нас, Петруша, на тракторе», рассказывающая о трагической гибели от руки кулаков одного из первых советских трактористов. Еще раньше, в годы гражданской войны, создаются баллады, отражающие полный драматических событий период боев за Советскую власть («Два брата» и др.). В годы Великой Отечественной войны жанр народной баллады возрождается. Авторы фундаментального коллективного труда «Русский фольклор Великой Отечественной войны» (М.—Л., 1964) рассматривают лирические баллады в главе о песнях. Возникает ряд новых вариантов и переделок известных ранее народных песен-баллад типа «Кочегар», появляются и новые сюжеты, порожденные событиями того времени. Близок к балладе цикл песен о трагической гибели бойца на войне, о неудачных побегах из фашистской неволи, о гибели жены или любимой девушки партизана, которая не выдала врагу тайну друга.

Жанр баллады плодотворно развивается в советской многонациональной поэзии. В 20-е годы прекрасные баллады создают Н. Тихонов и М. Светлов, в годы Великой Отечественной войны были написаны «Сын артиллериста» К. Симонова, «Баллада о четырех заложниках» и «Комсомольский билет» Аркадия Кулешова, «Суд» и «Волки» Мусы Джалиля, «Партизанка», «Старик» М. Исаковского и др.

Все эти факты свидетельствуют о жизнестойкости балладного жанра и в фольклоре, и в литературе. Жанр народной баллады особенно активно развивается в наиболее драматические периоды истории нашего государства (революция, коллективизация, Великая Отечественная война). Таким образом, судьба баллады представляется все же более сложной, чем это считает Д. М. Балашов. Однако именно дискуссионность проблемы, связанных с этим жанром, делает особенно целесообразным издание рецензируемого сборника, вновь привлечшего к ним внимание специалистов.

О. Гречина

Л. И. Якунина. *Слуцкія паясы*. Выдавештва Акадэміі навук БССР. Мінск, 1960, 240 стр., из них 120 (60 листов) иллюстраций на отдельных листах. Текст параллельно на белорусском и русском языках, комментарии на русском.

Слуцкими называются пояса, выделявшиеся с середины XVIII и примерно до середины XIX столетия в г. Слуцке (Белоруссия), принадлежавшем тогда князьям Радзивиллам. Изделия эти — вершина прикладного искусства белорусского народа. Каждый из слуцких поясов выткан по особому рисунку, и поэтому каждый из них имеет свой узор. Сколько их всех было сделано, — неизвестно, но так как в XVIII столетии в год поясов производили около двухсот, то в целом за столетие их должно быть несколько тысяч. Слуцкие пояса были деталью парадной одежды. Ткали их из шелка, часто употребляя на уток золотые и серебряные нити. Длиной они были от 2 до 4,5 м, шириной — от 20 до 40 см. Пояса эти стоили очень дорого и приобретать их могли лишь состоятельные люди — шляхта или богатые мещане. Количеством слуцких поясов в какой-то мере определялось богатство того или иного лица. О литом слуцком поясе упоминал Адам Мицкевич; белорусский поэт Максим Богданович посвятил слуцким ткачихам одно из лучших своих стихотворений.

Слуцкие пояса употреблялись главным образом для подпоясывания польского кафтана (кунтуша), почему и сами пояса стали как бы частью польского национального костюма, в связи с чем они долгое время считались образцами польского национального искусства. Однако это не соответствует действительности: длительное время на поясах даже ткали слова: «Въ градѣ Слуцкѣ», между тем известно, что памятников польской письменности, писанных кириллицей на древнем церковнославянском языке, не существует. Основное же то, что выделялись пояса белорусскими мастерами. На выставке иранского искусства в 1936 г. они демонстрировались как образцы иранского искусства на том, видимо, основании, что технология производства подобных тканей была выработана первоначально в Иране, а слуцкая фабрика поясов называлась персиарней.

Несмотря на широкую известность этих изделий, литература о слуцких поясах более чем бедна, и работа Л. И. Якуниной представляет первый опыт их монографического изучения. Исследование это состоит из предисловия и шести разделов: «Значение пояса в быту русского и белорусского народов», «Пояса в Московской Руси»,

«Производство слуцких поясов», «Влияние слуцкой фабрики на производство поясов в Речи Посполитой», «Применение слуцких поясов как тканей», «Собирательство слуцких поясов». В книге показаны образцы 60 поясов, даны комментарии к тексту и список литературы.

Главное внимание уделено в работе поясу как вещи, как детали костюма и очень немного говорится об обстоятельствах, которые вызвали к жизни такого рода производство.

Почему же, однако, эти великолепные ткани выделялись именно в Слуцке? Такой вопрос тем более закономерен, что пояса, подобные слуцким, производились и в Гродно, и в Западной Украине, и в Польше, но ни одна из этих фабрик не смогла дать продукцию, которая бы сравнялась со слуцкой. Можно спросить также, почему Радзивиллы, имевшие в середине XVIII в. десятки городов в Белоруссии, Литве и на Украине, создали фабрику в Слуцке, а не в другом каком-либо месте, особенно учитывая, что в то время промышленные предприятия в Белоруссии создавались, как правило, не в городах, а в деревне? Очевидно, для производства, требующего такого высокого мастерства, Слуцк подходил больше, чем любой из остальных городов, принадлежавших Радзивиллам, не исключая и их столицы Несвижа, расположенной недалеко от Слуцка. То обстоятельство, что Слуцк так долго удерживал первенство в этой отрасли производства, показывает, что выбор был сделан правильно.

Чем выделялся Слуцк среди других городов Белоруссии? Он был третьим (после Бреста и Гродно) городом Белоруссии, получившим в свое время магдебургское право, т. е. право на самоуправление, а такое право в XV в. давалось наиболее крупным и экономически развитым городам государства. Показателем высокого уровня ремесла служит то, что в XVI в. в Слуцке существовали цехи ткачей, кузнецов, слесарей, сапожников, сафьянников, скорянников, шорников, кожевников, серебряников и ювелиров. При дворе князей Слуцких (которым принадлежал Слуцк до конца XVI в.) в 1581 г. была основана типография, а в 1624 г. создана гимназия — старейшее учебное заведение в Белоруссии. Выпускники этой гимназии ездили после окончания школы заканчивать образование за границу: в Гейдельберг, Кенигсберг, Оксфорд и т. д.¹ Таким образом, ко времени создания фабрики поясов Слуцк имел давние культуры, в том числе ремесленные и художественные традиции, что, видимо, и предопределило выбор места.

Л. И. Якунина в своей книге поставила вопрос об использовании узоров поясов в текстильной промышленности. Нельзя не приветствовать такого рода пожелание, тем более, что, насколько нам известно, эти узоры были использованы только один раз — для обложек серии книг, издававшихся в 1920-е годы литературной организацией «Маладняк».

Работа Л. И. Якуниной, будем надеяться, послужит своего рода введением к серии серьезных исторических исследований о слуцких поясах. Базой таких исследований может стать Архив Минской области, где находится основное собрание хозяйственных документов Радзивиллов. Очевидно, первоочередной задачей таких исследований должно быть составление каталога узоров поясов.

Технически книга о слуцких поясах является наилучшим образцом полиграфического мастерства Белоруссии (она отпечатана в Минске, на полиграфическом комбинате им. Якуба Коласа), и тем не менее неповторимая красота поясов недостаточно передана в репродукциях.

Н. Улащик

¹ А. Грицкевич, Слуцк, Минск, 1960 (см. стр. 5—7, 10—12, 17).

Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, 1 (32). Душанбе, 1963, 88 стр.

Рецензируемый сборник невелик по объему, но интересен прежде всего тем, что хорошо отражает научно-исследовательскую работу (в первую очередь полевую), которую ведет Институт истории им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР.

Сборник открывается статьей крупнейшего востоковеда, ныне покойного, А. А. Семенова «О среднеазиатской бумаге» (стр. 3—20). К этому исследованию автор привлек большое число средневековых источников, а для новейшего времени — свидетельства русских исследователей, в том числе и собственные. А. А. Семенов отмечает, что с отдаленных времен и вплоть до XVII в. сложились и существовали три центра производства среднеазиатской бумаги: Самарканд, Бухара и Герат; более всех славился Самарканд, по имени которого называлась и вся среднеазиатская бумага, известная даже в Европе; она отличалась весьма высокими качествами, особенно те ее сорта, которые